

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ МЕТОДА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ 30-х ГОДОВ

(Из творческой истории «Емельяна Пугачева» В. Я. Шишкова)

Э. Ф. Кондюрина

Дискуссия по реализму, организованная ИМЛИ, со всей убедительностью показало, как изучению вопросов метода мешает масса схоластических формул и недостаточная исследованность самих произведений искусства. Нельзя не видеть, что эти формулы в свое время явились выводом из наблюдений над конкретными произведениями литературы, но постепенно им стали придавать характер универсальности, и они утратили познавательное значение.

Работы по вопросам исторического жанра страдают подобного же рода недостатками¹. Бесспорны отмеченные исследователями как общие для произведений социалистического реализма черты: изображение исторических деятелей прошлого, изображение народа как творца национального и исторического величия своей родины, эпохальные конфликты, героические характеры. Однако нельзя согласиться, что указанное является единственно возможным для искусства социалистического реализма. Ошибочность напрашивающегося вывода объясняется недостаточной расчлененностью понятия «литература социалистического реализма». До сих пор мы оперировали только категорией «метод социалистического реализма», а не учитывали категории стиля. (Под стилем следует понимать единство формы и содержания. При одном и том же принципе подхода к действительности возможна разная проблематика, разное идейное содержание, отсюда и разнообразие формы). Отмеченные черты характеризуют ведущий стиль нашего искусства, который однако не является единственным и единственно возможным.

¹ С. М. Петров. Исторический роман в русской советской литературе. Сб. «Советская литература»; ГИХЛ, М., 1952. Р. Мессер. Советская историческая проза. «Советский писатель», Л., 1955.

Думается, неотложной задачей исследователей советской литературы является изучение стилей социалистического реализма, что позволит конкретнее представить развитие метода. Для этого требуется расширить круг исследуемых произведений, обратить внимание на процесс создания классических произведений социалистического реализма.

Несомненный интерес с этой точки зрения представляет повествование Шишкова «Емельян Пугачев». В 1938 году в журнале «Литературный современник» была опубликована первая книга. К 1941 году писатель создает новую редакцию, отличающуюся от предыдущей и по материалу, и по стилю. Последняя редакция относится к 1944 г. На этот раз Шишков внес только стилистические поправки. Сравнительное изучение первых редакций книги позволяет раскрыть становление ведущего стиля социалистического реализма и объяснить закономерность этого стиля.

Замысел «Емельяна Пугачева» родился в 1934 г. под влиянием интереса писателя к современности. В начале 30-х годов Шишков много путешествует по России, посещает места социалистических строек — Урал, Волгу, Хибиногорск. Захваченный энтузиазмом масс, он задумывает ряд произведений о строящем народе. «Мечту об Урале не оставил. Буду писать с самых азов, не с Демидова и Петра Первого, а с мамонтов, — пещерных жителей — вкратце, конечно, но чтоб было занято и чтоб весь Урал был со дня создания до наших дней. Главный удар — на наших днях», — писал Шишков П. С. Богословскому в начале 1931 года². «Впечатлений слишком много, подумываю писать нечто вроде романа про хибиногорскую жизнь»,³ — писал Шишков тому же лицу в конце 1933 года.

Но замыслам о современности не суждено было осуществиться. Требовательный к себе, честный художник понимал всю ответственность перед читателем. По опыту жизни Шишков лучше знал прошлое. Ему было около 45 лет, когда совершилась революция. Поэтому Шишков обращается к таким событиям из прошлого России, в которых народ показал все величие своей духовной мощи: не только героическую природу своего характера, но и способности к государственной и политической деятельности. Такой эпохой было восстание под руководством Пугачева.

При осуществлении замысла Шишков встретился с рядом трудностей. Это, во-первых, сравнительно небольшое количество художественных произведений о Пугачеве. Самозванство Пугачева для многих писателей лишало эту личность поэтического ореола. Все, кого интересовала тема бунта народного, обращались к восстанию Степана Разина. Пугачев мог вдохновить только художника, увидевшего в народе огромные созидательные силы. Впервые об этом заговорил Пушкин.

² Письмо П. С. Богословскому. *Вл. Бахматьев*. Вячеслав Шишков, СП, М., 1947, стр. 91.

³ Там же, стр. 95.

Шишкову стал понятен Пугачев в 30-е годы, когда ярко проявились творческие силы народа. Отсутствие марксистских работ о восстании крестьян в XVIII веке, о важнейших событиях и деятелях интересовавшей писателя эпохи, наконец, некоторая абстрактность эстетического идеала художника — все это определило своеобразие стиля 1-й редакции «Емельяна Пугачева», который еще не стал стилем социалистического реализма.

Абстрактность эстетического идеала Шишкова объяснялась тем, что это был идеал пройденного этапа. В обстановке созидания, а такими были 30-е годы, нужно было обратить внимание не только на революционные традиции. В этот период расцвет наций приводит к возрождению национальных традиций, к росту национального самосознания; утверждение социалистического государства — к углублению патриотического чувства. Шишков сначала не уловил этих изменений в самосознании общества. Он попрежнему стремился воспитать только чувство ненависти к свергнутым классам и царской России.

Первая редакция «Емельяна Пугачева» тоже начиналась главой о семилетней войне, но война была показана очень кратко, и произведение в основном явилось повествованием о придворной жизни России 60-х годов XVIII века. Это отчасти объяснилось отношением Шишкова к войне вообще.

Выступив с пацифистских позиций, писатель не считал нужным конкретно-исторически показать воюющие стороны, раскрыть причины войны. Недоумение 17-тилетнего Пугачева, не понимающего, почему он должен убивать людей другой национальности, явилось почти единственным «объяснением» причины войны. В силу особенности таланта Шишкова — таланта юмориста — получилось «шутейное» изображение войны. Наиболее развернуто был показан коллекционирующий трости генерал, главнокомандующий Апраксин, занятый своим гардеробом и пищеварением. С другой стороны, война была представлена как бессмысленная жестокость. Всё в целом воспитывало у читателя несерьезное отношение к войне.

Позиции пацифизма были свойственны не одному Шишкову. В Постановлении ЦК ВКП(б) 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» указывалось, что в это время «широкое распространение приобрели извращения марксистско-ленинских взглядов по вопросу о характере войн в современную эпоху, непонимание различия между войнами справедливыми и несправедливыми, неправильный взгляд на большевиков, как на своего рода «пацифистов».⁴

С этих идейных позиций нельзя было сказать правду о семилетней войне, в которой русская армия одержала немало блестящих побед. Такое изображение войны в обстановке нарастания военной угрозы демобилизовало советский народ, было идейно ошибочным.

⁴ ГИПЛ, 1938, стр. 5.

В 1938 г., после выхода в свет первой книги «Емельяна Пугачева», в Госиздате было организовано совещание со специалистами-историками — академиком Тарле, профессором Предтеченским, которое помогло Шишкову глубже понять русско-прусскую войну.

Нужно сказать, что Шишков первым из советских писателей заговорил об этой славной странице прошлого России. «Школой Покровского» семилетняя война замалчивалась. Советская историческая наука еще не дала правильной оценки событий семилетней войны, поэтому в распоряжении Шишкова первоначально оказались работа буржуазного историка В. Бильбасова, воспоминания участника войны А. Болотова. Только в 1938—40 г.г. появляются исследования советских ученых по этому вопросу. В записках Ленинградского университета за 1939 год была опубликована статья Н. Березняка «Очерк борьбы России с Фридрихом»,⁵ в 1940 г. вышел фундаментальный по тому времени труд Н. Коробкова «Семилетняя война». Правильная общая оценка политики Фридриха, русской и прусской армий помогли писателю осмыслить те факты, которые он черпал из записок А. Болотова.

Вторая редакция создавалась с иных идеологических позиций. Это определило и своеобразие художественных принципов. Шишков должен был показать важнейшие события войны, героев войны показать как исторических деятелей. «По совету Тарле, ввожу на войне Бибикова и Михельсона»,⁶ — писал Шишков Н. С. Каржанскому 28 декабря 1938 года. — «...у меня нового для первой книги «Кунерсдорфский бой» (без Пугачева, но с Бибиковым, Михельсоном и молодым Суворовым), «мирная жизнь в Кёнигсберге» — там Пугачев, Болотов, раненый Михельсон и 3) «Взятие Берлина» — там Пугачев».⁷

Теперь «ожили» такие исторические личности, как Михельсон, Бибилов, Чернышов, Суворов. В журнальной редакции повествования был образ Суворова, но он появлялся только в воспоминаниях Пугачёва. В редакции 1941 г. этот эпизод дан объективированно. Теперь простота Суворова, его любовь к народной песне и бережное отношение солдат к своему командиру характеризуют русскую армию, а не сознание Пугачева.

Во второй редакции значительно усилены тенденции эпического **изображения** действительности: повествователь, рассказчик уступает место художнику, образно раскрывающему мир. Это можно проследить на эпизоде наказания Пугачева плетью.

В первой редакции:

Полковник Илья Денисов, суровый службист, кликнул двух старых, преданных ему казаков и приказал им: ординарца Емельяна Пугачева за его тяжкие

Во второй редакции:

Полковник Илья Денисов, суровый службист, кликнул двух старых преданных ему казаков и приказал им: ординарца Емельяна Пугачева за его тяжкие

⁵ «Ученые записки» ЛГУ, 1939, № 36.

⁶ Архив писателя.

⁷ Письмо Н. С. Каржанскому, 22. I. 1939, Архив писателя.

преступления по службе выдрать нещадно плетью.

Бородачи казаки постарались, на всю жизнь оставив следы на теле Пугачева, а в сердце — лютую ненависть к начальству⁸.

преступления по службе выдрать нещадно плетью.

К Пугачеву тотчас же подошли два пожилых казака.

— А ну-ка, молодчик, спускай портки, — сказал сквозь зубы рыжебородый, с плеткой в руке, детина.

Пугачев, тяжело дыша, выжидательно уставился в усатое лицо полковника Денисова, как бы вопрошая мрачного начальника — шутит он или взаправду действует?

— Ну! Вали его на землю, — сказал Денисов.

— Ваше высокоблагородие, — взмолился Пугачев. — За что же это? Ведь я по-честному воевал. А ваш Пегаш...

— Молчать!

— Пегаш ваш найдется, вашеско-родие... Да я вам рысака такого добуду, что...

— Молчать, безрогая скотина!.. Хуже будет.

Пугачева схватили, брякнули на землю.

— Не позорьте, пощадите, вашеско-родие... Заслужу! — закричал Пугачев истошно.

Поверженный вниз лицом, он умолк, взглянул на притихших, хмурых зевак вокруг, зажмурился, стиснул зубы и скрюченными пальцами вцепился в пахучую полынь-траву.

Экзекуция началась, но, как ни усердствовал рыжебородый, Пугачев терпел: ни стопа, ни вздоха, только скрипел зубами.

— Довольно! — крикнул атаман Денисов. Емельян встал, с трудом натянул рубаху, его из стороны в сторону покачивало. Он выплюнул набившуюся в рот землю со стебельком полыни и стоял против атамана, вперив взор ему под ноги.

— Можешь итти, Пугачев, — сказал атаман. — Другой раз помни...

Пугачев нога за ногу пошел прочь. Да, он будет помнить... Ему век не забыть этой награды за боевой труд его⁹.

Впервые в 1941 году появляются развернутые картины военных сражений русских и пруссаков, показаны русские в Берлине, что позволило раскрыть существенные особенности русской армии: её органи-

⁸ «Литературный современник», 1938, № 2, стр. 171.

⁹ Емельян Пугачев, кн. 1, стр. 37.

зованность, героизм. Новые эпизоды были созданы на основании записок А. Болотова, известных Шишкову и раньше, но не использованных для первой редакции.

Изображение русско-прусской войны во второй редакции приобрело не только патриотический, но и политический характер. В обстановке развязывания второй мировой войны, готовящегося нападения германского фашизма на СССР, разнузданной пропаганды расизма роман Шишкова, основанный на документальном материале, напоминает примеры прошлого, которые показывали всю несостоятельность расистских идей и в то же время мобилизовал силы советского народа. В первые дни Великой Отечественной войны новые главы вышли отдельным изданием.

Художественно полноценный образ Пугачева в литературе до Шишкова был создан только Пушкиным. Шишков использовал опыт автора «Капитанской дочки», но не ограничился им.

Пушкина интересовали отношение дворянства к народному восстанию, личность вождя. Это определило своеобразие сюжетно-композиционных принципов повести. В «Капитанской дочке» использована традиционная для исторического романа сюжетная схема — судьба влюбленной пары на фоне исторических событий, — но в несколько измененном виде. Историческому герою Пушкин уделяет не меньше внимания, чем вымышленным. Мало того, судьбы вымышленных героев прослеживаются настолько, насколько это позволяет раскрыть героя исторического. Пугачев в «Капитанской дочке» — воплощение лучших черт русского национального характера.

Шишков поставил перед собой более широкие задачи. «Пугачев не роман будет, а повествование, — писал он в 1938 году, — историческая хроника... Вся пугачевская эпопея (корни, предпосылки, окружение) сама по себе готовый сюжет».¹⁰ Поэтому в первой редакции для характеристики Пугачева отобраны были документальные события. Тем не менее Шишков не создает ничего нового по сравнению с Пушкиным в области жанровой формы. Через документальные события он раскрывал в Пугачеве то же, что и Пушкин через вымышленные. Писатель сосредоточился преимущественно на своеобразии чисто индивидуальных черт в характере Пугачева и нарисовал горячего, озорного, жаждущего опасных подвигов человека. В записной книжке Шишкова есть запись: «Пугачев был в обычной жизни вялый и даже ленивый».¹¹ Подобная характеристика легла в основу образа и в редакции 1938 года: «Пугачев хотя был и широкоплеч и раны его заживали, но крестьянская работа не по нутру ему: грешным делом на эту работу ленив был..., а наипаче боялся, останется здесь, оздоровеет, на войну заберут

¹⁰ Бахметьев..., стр. 182.

¹¹ Архив писателя, Книжка № 9, стр. 48.

его».¹² На предложение купца Кожевникова остаться на Ветке Пугачев отвечал: «Сидючи на одном месте, мохом обросту».¹³ Мало того, Пугачев был противопоставлен Петру III и Екатерине как личность. На этой почве невозможны были новые стилевые формы.

Недостаточно конкретное понимание эпохи определило модернизацию образа Пугачева. В возрасте 17 лет он сознает непримиримую враждебность классов: «А вот я завтрашней войнишке рад-радехонек. Хоть тронх, да зарублю, а парочку дворянчиков из них на пику поддену. Да душа из них вон, кишки на луговину.»¹⁴ Это сказано во время русско-прусской войны, когда шла борьба с национальным врагом, а не классовым. Неубедительно и его заявление другу после того, как они спаслись от погони барских псарей: «Ванька, почто же эти дурни нас с плетки приняли? Ведь они же сами мужики. — А поди спроси их, авось скажут, — нехотя ответил Семибратов.»¹⁵ Пугачев у Шишкова не только сам не верит в бога, но и осуждает верующих: «Пугачев стоял в стороне. Видя все это (мужики молились — Э. К.), он хотя и крестился, но едва сдерживал необоримый смех, прикрывая рот шапкой.»¹⁶

Пугачев не был человеком передового сознания. Во главе восстания он оказался потому, что его недовольство жизнью совпало с недовольством широких народных масс. Показать Пугачева историческим деятелем значило не просто воспроизвести события, участником и организатором которых он был, но и сами события представить как обусловленные временем. В книге о Пугачеве это выливалось в изображение назревания протеста народных масс и Пугачева.

Во второй редакции образ Пугачева решительно меняется. В 1939 году, в журнале «Литературный современник» появляются главы «Путь — дорога» о путешествии Пугачева на Каму. Жизнь, которую наблюдает Пугачев, которую он живет со всеми, и приводит его к мысли о необходимости борьбы. Путешествие на Каму, предпринятое с целью поправить материальные дела, превращается в большую жизненную школу героя. Через него раскрывает писатель общение Пугачева с народом, единство их интересов, близость судьбы. В новой редакции (1941 года) Шишков типизирует не только черты индивидуального склада Пугачева, но и рост его бунтарских настроений.

Во второй редакции появляется сцена, основанная на историческом факте: Пугачев по совету атамана Ефремова нанимает за себя на службу казака Бирюкова. Этот эпизод рисовал подкуп и взяточничество войскового начальства и становился новым звеном в цепи причин, приведших Пугачева на Яик.

¹² «Литературный современник», 1938, № 8, стр. 77.

¹³ Там же, стр. 128.

¹⁴ Там же, стр. 159.

¹⁵ «Литературный современник», 1939, № 12, стр. 82.

¹⁶ Там же, стр. 108.

Из показаний Пугачева известно, что он принимал участие в экспедиции, которая выгоняла беглых. Первоначально этот факт не привлек внимания писателя. Бегство крестьян в Польшу, на Ветку, приобрело такие размеры, что правительство было вынуждено издать манифест, в котором обещало вернувшимся льготы, но беженцы в него плохо верили и приходилось выгонять их с помощью войск. В редакции 1941 г. и этот эпизод из жизни Пугачева представлен как одна из причин, обусловивших его участие в восстании. Той же цели служит развернутый со второй редакции в целую картину эпизод наказания плетьюми.

Теперь в характере будущего вождя подчеркнуты черты общественно-значимые: отзывчивость, чувство коллективизма. Все это является как бы естественным результатом того трудного жизненного пути, которым прошел Пугачев.

Очень сложной для художника была проблема самозванства. Его нужно было объяснить и политически, и общественно, и психологически. В лигатуре о Пугачеве по этому вопросу не существовало двух точек зрения. Пушкин его обошел. Дворянская и буржуазная историография, особенно художественная литература, трактовала самозванство как акт дерзости великой, наглости Пугачева — разбойника, который кем угодно готов назваться, лишь бы осуществить свои низменные цели. Иная точка зрения была высказана Ф. Энгельсом, который писал, что «последнее великое крестьянское восстание при Екатерине II было возможно лишь потому, что Емельян Пугачев выдавал себя за её мужа Петра III, будто бы не убитого своей женой, а только лишённого трона и посаженного в тюрьму, из которой он, однако, бежал».¹⁷ Мы видим, что Энгельс считал самозванство Пугачева необходимым условием восстания народа, т. е. видит общественную значимость его, а не просто прихоть случайного человека.

У Шишкова менялся подход к проблеме самозванства. В окончательной редакции произведения писатель показал, как постепенно назревало недовольство жизнью у народа и Пугачева. В определенный момент они находят друг друга и это ознаменовало начало крестьянской войны.

Первым звеном в цепи событий, наведших Пугачева на мысль назвать себя императором, попрежнему остается разговор с Барышниковым. Во второй редакции появляется основанный на документальном факте эпизод: Пугачев выдает себя за крестника Петра Первого. Этот случай говорит о желании Емельяна Ивановича выделиться из окружающих. Он помогает психологически обосновать самозванство. Одновременно Шишков опускает эпизоды, обобщающие значение которых невелико: разговор с крестьянкой, убеждавшей Пугачева, что тот похож

¹⁷ Фридрих Энгельс. Сочинения, том XV, стр. 262.

на императора. Этот эпизод вымышленный, он повторял другой — разговор в кофейне, из которого Пугачев также узнавал, что похож на императора. Шишков оставляет один эпизод.

— Вы видите вон того хорунжего?... Под окном который, донской казак... изрядно он смахивает на Петра Федоровича... Хотя гусар говорил негромко, но чуткий Пугачев даже сквозь шум кофейни услышал эти слова. Сердце его забилося, он сразу присоңился, закинул ногу на ногу, упер левую руку в бок и, сделав выражение лица елико возможно величавым и строгим, бесстрашно уставился широко открытыми глазами в черные, выпуклые с интересом глядевшего на него черногорца.¹⁸

В редакции 1944 года после слов «услыхал эти слова» отрывок выброшен. Пугачев, подслушав такой разговор, мог только растеряться. Шутка ли дело, быть похожим на императора! Дальше сохранялись слова, которые были и в первом варианте: «На следующее утро, под каким-то предлогом он пробрался в палатцу, где был штаб донских казачьих полков, и украдкой стал пристально всматриваться в надкаменное зеркало».¹⁹ Подобная характеристика Пугачева психологически более убедительна.

Однако не это портретное сходство оказалось решающим в объявлении Пугачева себя царем. Такая точка зрения проскальзывала в первой редакции.

Теперь по-новому показал Шишков пребывание Пугачева у Филарета на Иргизе. Это не только один из этапов формирования идеи самозванства, но и важнейший этап. Пугачев до разговора с Филаретом не помышлял выдавать себя за императора, хотя знал народные толки о Петре и о своем сходстве с ним. И только под влиянием разговора с Филаретом, который представил самозванство как защиту интересов народа, Емельян Пугачев задумался над этим. В первой редакции Пугачев приходит к Филарету уже с готовым решением, так, по крайней мере, видно из его слов: «Не царь, а народ пойдет за ним... Царским именем, что ли? Под знаменем, что ли? Разжуй, старец...»²⁰ В последней редакции (1944 года): «А ежели... самозванный он, вождь-то? Разжуй, старец ангельский, чтоб в мысль мне пало».²¹ В первом случае Пугачев показан как человек, который уже принял решение повести за собой народ и взять на себя имя императора. Его интересуют средства и пути. Во втором — чувствуется только любопытство человека, ни о чем не помышляющего. Самозванство теперь — не цель, а средство. В связи с этим по-новому нарисована и сцена первого объявления Пугачевым себя царем (разговор с Пьяновым).

¹⁸ «Литературный современник», 1938, № 8, стр. 72.

¹⁹ Емельян Пугачев, кн. I, стр. 490.

²⁰ «Литературный современник», 1938, № 8, стр. 135. Емельян Пугачев, ГИХЛ, Л., 1941, стр. 153.

²¹ Емельян Пугачев, кн. I, стр. 611.

Редакция 1938 и 1941 г.г.

Пугачева как подбросило. Он сел, свесил ноги с печки, и, ударяя себя в грудь, с жаром произнес:

— Я ведь не купец, я ведь государь Петр Федорович. Меня в Царицыне бог спас да добрые люди сохранили. А замест меня засекли солдата караульного.

Вскочил и Пьянов, тоже свесил ноги и вытаращил на него испугавшиеся глаза.

В сущности Пугачеву просто захотелось ошарашить хозяина и посмотреть, какое впечатление произведет на него подобное признание. Быстро опамятавшись, Пугачев торопливо окликнул храпевшего на полу Филиппова.²²

Создавая сцену разговора с Пьяновым в окончательной редакции, Шишков опирается на версию Дубровина. Показательно, что Шишков, прекрасно знавший работу Дубровина, в первой редакции не воспользовался его версией, ибо это расходилось с логикой образа Пугачева, созданного самим писателем: смелый, удачливый и легкомысленный, склонный к авантюрам Пугачев мог из озорства так разговаривать с Пьяновым. Когда же он превратился в многоопытного и много страдавшего человека, такой поступок стал противоречить всей логике образа. Шишков теперь использует трактовку этого эпизода Дубровиным, хотя общая оценка исторического деятеля у них была разная.

В своей работе над образом Пугачева Шишков все дальше отходил от акцента на внешней стороне самозванства: маскарадности, комизме положения. Теперь писатель все внимание сосредотачивает на внутреннем состоянии Пугачева, его убежденности в необходимости и правильности начатого дела. Поэтому и самозванство теперь органично вытекает из сложившейся обстановки и характера Пугачева — шаг необходимый и благородный.

Показывая Пугачева в тесной связи с народом, Шишков и самозванство его рисует как отзвук народных настроений и чаяний. Филарет говорит Пугачеву: «Народ похощет — любого вождем своим сотворит».²⁴ Чем сильнее становился гнет, тем упорнее слухи о скором появлении народного заступника. В редакции 1941 года введена сцена споров в народе о царе-страннике во время чумного бунта.²⁵

Первоначальный замысел образа Пугачева не требовал широких картин народной жизни. Личность можно полно раскрыть через быто-

²² «Литературный современник», 1938, № 8, стр. 141. Емельян Пугачев, ГИХЛ, Л., стр. 570.

²³ Емельян Пугачев, кн. I, стр. 618.

²⁴ Там же, стр. 611.

²⁵ Там же, стр. 577.

Редакция 1944 года.

Пугачева как подбросило. Он сел, свесил ноги с печки и, ударяя себя в грудь, произнес:

— Я и есть государь Петр Федорович. В Царицыне-то бог да добрые люди сохранили меня. А замест меня засекли солдата караульного.

Вскочил и Пьянов, тоже свесил ноги, вытаращил на Пугачева глаза. А тот, опамятавшись, испугался своих слов, схватился за голову, громко окликнул храпевшего на полу Филиппова.²³

вые и любовные ситуации. Так показан Пугачев у Пушкина. И это несколько не помешало ему нарисовать национальный характер.

Пугачев — вождь народа мог быть показан только через взаимоотношения с народом, участником определенного исторического дела.

Во второй редакции книги писатель усиливает характеристику Пугачева как вождя народа. Этому способствуют 13 новых глав, в которых он показал роль народа в государстве. Появляются главы о Салтычихе и заседаниях Законодательной комиссии. «Читал 2 часа Бахметьеву главы о заседании Большой Комиссии, перебитые главой о Салтычихе (её взял кратко, в натуре показал сие «чудище обло»)... Теперь вижу, что эти главы для повествования весьма существенны».²⁶ Параллельное изображение заседаний Законодательной комиссии и положения крепостного крестьянства в усадьбе Дарьи Салтычихи служит средством разоблачения сущности дворянского государства.

В эпизодах русско-прусской войны писатель показал беспримерный героизм солдат и в то же время издевательства офицерства над ними. В эпизодах путешествия Пугачева на Каму — жесткую эксплуатацию народа в дворянских имениях и на фабриках. Во второй редакции появляется эпизод: самоубийство заслуженного вонна — капрала Капустина,²⁷ которого барин приказал выпороть только за то, что ему односельчане оказывали больше уважения, чем самому барину.

Во втором варианте книги картины чумного бунта в Москве, восстания на Яике дополнены основанными на вымысле — бунт крестьян в деревне Большие Травы. Кроме того, заседания Законодательной комиссии Шишков показал с точки зрения решения крестьянского вопроса. Все это позволяет показать, что крестьянская война под руководством Пугачева возникла не вдруг и не сразу, а явилась следствием кризиса общественных отношений России.

Соотнесение судьбы Пугачева с судьбой народной, вытекающее из идейного замысла произведения, и определило новизну сюжетно-композиционных принципов.

Подобную же эволюцию претерпел и другой главный образ произведения — образ Екатерины.

В редакции 1938 года чувствовалась зависимость Шишкова от буржуазных историков, выразившаяся не столько в использовании фактов,²⁸ сколько в принципе подхода к историческому лицу. Подобно В. А. Бильбасову (автору двухтомного труда о Екатерине), он больше интересовался личностью Екатерины нежели ее государственной деятельностью. Поэтому много внимания уделено ее взаимоотношениям

²⁶ Н. С. Каржанскому, 22.XII.1939.

²⁷ Емельян Пугачев, кн. I, стр. 430—431.

²⁸ Жизнь двора Екатерины, взаимоотношения Екатерины и Петра III, недолгий период правления Петра III, переворот 1762 г., история Брауншвейгской фамилии, заговоры в пользу Ивана Антоновича, заговор Хрущева и Гурьева, характеристика Гр. Орлова и Гр. Потемкина.

с Елизаветой, семейной жизни. И народ был представлен только в роли судии семейных отношений Петра и Екатерины, в которых она играла роль жертвы. Отсюда фальшивое изображение русского народа как народа царелюбца. «А почему ж такое матушке-Екатерине ходу не дают? Она, сердешная, еще до днесь траур по государыне Елизавете носит. Скоморошких пиров чурается, а церкви божии посещает и милости простому люду творит своим именем. Пошто ж её-то царь забыл? Аль толсторожая Лизка присушила его, привязала к себе, как коня к столбу. И шел в народе упорный слух: царь ладит государыню свою в монастырь упрятать, а с Лизкой окрутиться. И еще, порицая царя Петра, толковали: корону на карету прицепил, да так и ездит, а сам короноваться не думает. Тоже... царь!»²⁹

Изменение образа Екатерины отчасти определилось работой писателя над материалами самого восстания. Когда перед Шишковым во весь рост встал борющийся народ, он смог понять настоящую цену Екатерины.

Шишков первым из советских писателей обратился к изображению Екатерины как исторического деятеля. Значительность обобщения определяется тем, что писатель пошел по пути воссоздания исторического характера.

На образе Екатерины ярче всего проявляются типические для советского исторического романа черты в обрисовке исторических деятелей. Вместо двух-трех кулуарных историй, которыми ограничивались писатели прошлого, чтобы представить Екатерину в отрицательном свете, Шишков поднимает материалы, характеризующие ее как государственного деятеля. Именно общественное лицо Екатерины вызывает отрицательную оценку писателя.

Подобно Пушкину, Шишков показывает антинародную сущность деятельности Екатерины, которая укрепила рабство, хотя уничтожила звание раба. Особенно ярким эпизодом является картина заседания Большой Законодательной Комиссии, созданная впервые в 1938—1939 годах, в которой писатель раскрыл враждебность дворянства народу, а Екатерину — верной защитницей интересов господствующих классов.

Усиление патриотической направленности произведения сказалось и на образе Екатерины. Шишков подчеркнул случайность ее на русском престоле, ее показную любовь к России. Со второй редакции введен разговор Паниных и Разумовского, из которого видно, что Екатерина во время русско-прусской войны занималась шпионажем в пользу врага России — Фридриха,³⁰ причем она делала это не из политических соображений, а из соображений корысти (от английского посла она получила 40 тысяч фунтов стерлингов). Это по-новому освещает переворот 1762 года, когда под видом защиты интересов отече-

²⁹ «Литературный современник», 1938, № 3, стр. 36.

³⁰ Емельян Пугачев, ГИХЛ, Л., 1941, стр. 302. Емельян Пугачев, кн. I, стр. 336.

ства был возведен на престол чуждый России человек. Шишков сохраняет характеристику Петра III, как человека враждебного России. Попрежнему остается ощущение необходимости смены правителя, который вел страну к катастрофе. Теперь писатель подчеркивает патриотические чувства дворянства, организовавшего заговор, и переворот объективно представлен как спасительный для России. Но вместе с тем, и это особенно важно, писатель показал случайность Екатерины на русском престоле. Во-первых, изменилась характеристика отношения к перевороту, затем писатель по-новому обрисовал некоторых участников заговора, в частности, Григория Орлова. В окончательной редакции усилена его патриотическая настроенность, возмущение антирусской политикой Петра III, но в то же время его действия в защиту личных интересов Екатерины стали более обнажены. В первой редакции этому образу были присущи противоречия: с одной стороны, большой взяточник, с другой — любимец народа. «Всегда веселый, решительный, справедливый и щедрый, он был почитаем также и солдатами».³¹ В окончательной редакции писатель снял эту характеристику и показал, что любовь солдат покупалась денежными подачками, обещаниями льгот после переворота.

В первой редакции показано, что в перевороте 1762 года принял участие весь народ, поддерживающий Екатерину. «Купцы³² присоединились к народу»,³³ — читаем в журнальном варианте о событиях переворота. В окончательной редакции слово «народ» заменено словом «публика». Первоначально активное участие народа в перевороте дополнялось сознательным участием солдатской массы, которая надеялась на послабления по службе. «При благополучной смене царствования наверняка будут по службе послабления, а может и награды...»³⁴

В идиллические тона был окрашен и сам переворот. Явно под влиянием буржуазной историографии Шишков писал об этом событии как о светлом дне: даже «пьяные не дерутся, а только целуются, како о пасхе».³⁵

В редакции 1941 года с большей силой подчеркнута, что с Россией Екатерину связывал только сын Павел. В окончательной редакции появляются два эпизода, которые усиливают случайность Екатерины на престоле: полуодетого и перепуганного царевича везут в Смольный в день переворота и показывают с балкона народу;³⁶ больного Павла Петровича по приказу Екатерины везут в Москву, где должна происходить коронация Екатерины.³⁷

Показательно, что тот и другой эпизод есть у В. А. Бильбасова,

³¹ «Литературный современник», 1938, № 2, стр. 784.

³² Имеются в виду два человека (Фролов и Хрянов), а не класс купечества.

³³ «Литературный современник», 1938, № 4, стр. 34.

³⁴ Там же, стр. 33.

³⁵ Там же, стр. 44.

³⁶ Емельян Пугачев, кн. I, стр. 237.

³⁷ Там же, стр. 278.

работа которого была хорошо известна писателю, но использованы в произведении они вначале не были. Теперь, когда углубилась критика Екатерины, эти эпизоды стали на свое место.³⁸

Усиление патриотической линии произведения сказалось и в том, что во второй редакции введена группа Хрущева-Гурьева, организовавшая заговор против императрицы, который отличался от заговора Мировича тем, что был направлен против иностранного засилия и против Екатерины, как немки.

Перед нами в окончательной редакции теперь встает новый образ Екатерины. Это умная, хитрая женщина с большой волей, случайный человек на русском престоле, которого она достигла ценой преступлений, но она — твердая защитница классовых интересов правящих верх. Антинародная политика Екатерины в первой книге еще не показана во весь рост (это будет во второй книге), но и здесь уже намечены линии её будущего поведения.

Изменение замысла произведения повлекло за собой изменение его композиции. Существенно отличаются первая и вторая редакции, вторая и третья — идентичны.

Первоначально I-й том был повествованием о жизни правящих кругов России XVIII века. Исторические факты и события были подобраны так, чтобы показать с отрицательной стороны «верхние десять тысяч». Эпизоды русско-прусской войны в основном рисовали бездарность и продажность русского командования. За ними следовало развернутое изображение жизни Петра III и Екатерины, которое заканчивалось событиями переворота 1762 года. Далее, не менее подробно, писатель показал трагическую судьбу Ивана Антоновича, события чумного бунта. Всё это заканчивалось изображением возмущения казаков на Яике, которое было раскрыто только в плане подавления мятежа царскими генералами. Это — достоверные исторические факты, но это еще не была сама история, ибо не было показано самого процесса исторического развития, так как отсутствовало изображение народа, борьбы классов, что составляет сущность исторического процесса.

По мере того, как углублялся метод изображения действительности, менялась и композиция произведения. Писатель не только создает новые главы, в которых показывает жизнь народа того времени, но и по-новому располагает старый материал.

Повествование теперь начинается с развернутого изображения народа на войне, его патриотических подвигов. На этом фоне фигура игрушечного царька становится особенно выразительной: еще больше обнажается несоответствие между личностью ничтожного царька и делом, которое возложено на него — управление огромным государством. И Екатерина теперь выступает на фоне, менее «выгодном» для неё: героические подвиги народа, а не фиגлярство Петра Федоровича.

Затем следует картина восшествия Екатерины на престол, которая

³⁸ У В. А. Бильбасова эти события даны под другим углом зрения.

сменяется главами путешествия Пугачева, рисующими невыносимый помещичий гнет в дворянских усадьбах, гнет бюрократического аппарата. Эти главы контрастируют с главами придворной жизни, с одной стороны, с другой — как бы подготавливают события на Яике, определяют их закономерность. Теперь и события на Яике приобретают другой смысл — это узел противоречий, там и должен был появиться защитник народа, там и появляется Пугачев.

Прием параллельного изображения действительности является наиболее распространенным в творчестве Шишкова. К нему часто прибегает писатель в эпических произведениях — «Угрюм-река», «Емельян Пугачев». В повествовании этот прием представляет в обогащенном виде. Он служит не только средством связывания разнородного материала, но и заострения социальной характеристики.

Восшествию на престол Екатерины, которое сопровождалось потоками крови (убийство Петра Третьего, казнь Мировича, смерть Ивана Антоновича), противопоставлено признание Пугачева царем, которое происходило при всеобщем ликовании. Жестокости Салтычихи Шишков противопоставляет гуманность народа, даже по отношению к своему врагу (мужики дер. «Большие Травы»).

Как видим, прием параллелизма Шишков использует как средство противопоставления двух сил в сфере общественной деятельности. Параллельное изображение действительности позволяет писателю наглядно доказать значительность народа.

Для первой редакции характерно иное следование глав, нежели в окончательной редакции. В третьей части первой книги глава I-я следовала за 4-й³⁹. В I-й главе изображается русско-турецкая война, события в Польше и участие в них Пугачева. Эта глава, с одной стороны, показывала место России на международной арене, с другой — носила биографический характер. Первоначально повествование начиналось со 2-й главы — Псковская вотчина, затем шли 3 и 4 — чума в Москве и 1 — война с Турцией, далее 5 и 6 — события на Яике. Такой порядок сохранял последовательность изложения биографии Пугачева. Теперь писатель переставляет бывшую 4-ю главу в начало, и это придает всей части характер законченного исторического периода, кроме того, теснее связывает Пугачева с событиями внутренней жизни России: Пугачев на войне, еще далек от помыслов о борьбе, а в стране готовится взрыв народного возмущения. Таким образом, помыслы Пугачева связываются с самой действительностью, порождаются ею.

Кроме того, вставка новой главы о Салтычихе разрывала изображение заседаний Законодательной Комиссии на две части и давала возможность показать ярче пропасть между словом и делом господствующего класса и бесправное положение народа.

Первую и вторую редакцию различает и иное расположение материала по главам.

³⁹ Нумерация и расположение глав взяты по последней редакции.

В первой части первой книги глав было гораздо меньше, они были значительно по объему. Ранее существовало две части и 19 глав, а со второй редакции — три части и 43 главы. Например, глава 4-я I-й части соответствовала главам 10, 11 и 12. Первоначальное деление по главам определялось тематическим принципом. Так, в первой главе был объединен весь материал о русско-прусской войне, глава 4-я объединяла весь материал, связанный с Петром III, и т. д.

Теперь деление материала по главам определяется принципом его исторической значимости. События поданы в форме этапов исторического развития. Этому способствует и название глав. Так выделены этапы рождения недовольства Петром III, все шаги Екатерины в подготовке заговора. Глава 10-я второй части состояла из глав 8-й и 9-й современной 3-й части. Эта разбивка имела своей целью показать события в жизни Пугачева как этапы формирования самозванства на почве народного недовольства. Глава 13-я второй части состояла из современных 12-й и 13-й третьей части. Одна из них — 12-я — рисует решимость атаманов служить Пугачеву, а 13-я — решение Пугачева служить народу. Выделив их в две самостоятельные главы, Шишков тем самым сделал акцент и на том и на другом.

Названия глав произведения носят двоякий характер: с одной стороны, просто определяют содержание материала, с другой — дают авторскую оценку его. Так глава 3-я, часть I-я, называется «Большое Кунерсдорфское сражение». В этом названии — только содержание материала. Глава 2-я, часть II, называется «Промысел божий». В этом названии заключена большая доля иронии, ибо Шишков взял в заголовок выдержку из манифеста Екатерины, намекая одновременно на ложность сведений в манифесте.

Из сказанного видно, что своеобразие сюжетно-композиционных принципов, изменение композиции образа определяется своеобразием идейного замысла произведения, его проблематикой, но отнюдь не методом. Метод социалистического реализма (принцип подхода к действительности) не декларирует материала, проблематики. Последнее определяет время. До сегодняшнего дня писатели-историки по преимуществу стремились к переоценке прошлого, к осмыслению эпохальных конфликтов. Это определило стилевое однообразие произведений исторического жанра. Но это не значит, что невозможна иная проблематика, отсюда иные стилевые черты исторической литературы.